

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4
ББК 60.524
А 90

М.Т. Асланова,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, тел.: 8-(865-2)35-83-90

Е.В. Сапрыкина,

кандидат философских наук, доцент кафедры философии Северо-Кавказского федерального университета, г. Ставрополь, тел.: 8-(865-2)35-83-90

Знание и информация в современном обществе: источники опасности или эксперты риска?

(Рецензирована)

Аннотация. В статье анализируются изменения, произошедшие в современном мире в связи с переходом к новой стадии общественного развития. Дается определение информационного общества как теоретической концепции постиндустриального общества. Общество риска определяется как общество, производящее технологические и социальные риски. Знание, наука и информация рассматриваются как источники риска.

Ключевые слова: информационное общество, постиндустриальное общество, общество риска, модернизационные процессы, информация, наука, знание, риск, безопасность.

M.T. Aslanova,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department of the North-Caucasian Federal University, Stavropol, tel. 8(865-2)35-83-90

E.V. Saprykina,

Candidate of Philosophy, Associate Professor of Philosophy Department of the North-Caucasian Federal University, Stavropol, tel. 8(865-2)35-83-90

Knowledge and information in modern society: the source of hazard or risk experts?

Abstract. The paper analyzes the changes in the modern world due to the transition to a new stage of social development. The definition of the information society as a theoretical concept of post-industrial society is provided. Society of risk is defined as a company that produces technological and social risks. Knowledge, science and information are considered as sources of risk.

Keywords: information society, post-industrial society, risk society, the processes of modernization, information, science, knowledge, risk, safety.

За последние десятилетия современный мир претерпел большие изменения и перешел на качественно новую стадию общественного развития, называемую информационным (постиндустриальным) обществом. Социокультурные перемены были детерминированы развитием современной науки и техники, созданием новых информационно-коммуникативных технологий.

Новейшие технологии настолько преобразовали жизнь общества и его культуры, укоренились в них, что рассматривать их отдельно не представляется возможным.

В конце XX века происходит конвергенция двух почти одновременно нарождающихся идеологий — постиндустриализма и информационного общества. Концепция постиндустриального

общества имеет солидную историю и теоретическую основу. Одним из первых констатировал становление принципиально нового типа общества, утратившего важные черты индустриального строя, Д. Белл. Он разделил историю человеческого общества на три стадии: аграрную, индустриальную и постиндустриальную. Новый тип социальной организации — постиндустриальное общество — рассматривался им как переходное состояние, основные контуры которого намечались через сопоставление и противопоставление индустриальному обществу. Важнейшие характеристики постиндустриального общества обусловлены, согласно Д. Беллу, новой ролью теоретического знания, превратившегося в главный источник технологических нововведений, переходом от производства преимущественно товаров к производству преимущественно услуг, доминированием профессионального и технического класса над традиционным пролетариатом, а также появлением интеллектуальных технологий, дающих ключ к рациональному планированию технологического и социального развития [1].

Согласно общеисторической схеме, предложенной другим теоретиком постиндустриального общества О. Тоффлером, история цивилизации подразделяется на три больших периода, или «волны». Сельскохозяйственная цивилизация, именуемая «первой волной», возникла десять тысяч лет тому назад в результате перехода к оседлому земледелию и в Новое время уступила место «второй волне» — индустриальной цивилизации. На смену ей в условиях чрезвычайных изменений в обществе конца XX столетия приходит «третья волна» — грядущая цивилизация, основанная на развитии информационных технологий.

Тоффлер, сопоставляя «вторую» и «третью» волны, индустриальную цивилизацию, уходящую в прошлое, и грядущую, находящуюся в становлении, констатирует кардинальные изменения в основных сферах общества: в техносфере происходит пересмотр

представлений о производстве, распределении и потреблении энергоресурсов; в социосфере наблюдается трансформация социальных и политических институтов, системы ценностей, перестройка деятельности в сфере образования и культуры; в инфосфере на основе информационной техники развиваются новые типы социальной коммуникации.

В социальной аналитике Д. Белла и О. Тоффлера термин «информационное общество» еще не нашел своего широкого применения, а то и вовсе не встречается. Однако оба исследователя единогласно связывают осуществляющиеся изменения в социальной структуре общества, в его ориентации с возросшей ролью науки и техники. В трактовке Белла информационное общество — это новое название для постиндустриального общества, подчеркивающее не его положение в последовательности ступеней общественного развития — после индустриального общества, а основу определения его социальной структуры — информацию. Информационное общество обладает всеми характеристиками постиндустриального общества: экономика услуг, центральная роль теоретического знания, интеллектуальные технологии, управление и организация социальной жизни на основе информации и технологий.

Одним из первых исследователей, отождествивших информационное и постиндустриальное общество, был японский профессор И. Масуда. По его мнению, в условиях формирования информационного общества будут происходить изменения сущности самого производства, продукт которого станет более «информационно емким». «Производство информационного продукта, а не продукта материального, будет движущей силой образования и развития общества» [2]. И. Масуда уделяет особое внимание трансформации человеческих ценностей в информационном обществе, выдвигая концепцию бесклассовости и бесконфликтности данного общественного устройства.

Информационное общество стало следствием модернизационных процессов XX века, ознаменованных интенсивным развитием техники и технологий и в первую очередь информационных. Эта технология и собственно сама информация становятся важнейшими культурными и социальными феноменами. Широкое внедрение результатов науки и информационных технологий во все сферы человеческой жизнедеятельности обусловило коренной социальный и цивилизационный перевороты в историческом развитии.

Сегодня уже очевидно, что информация имеет отношение к процессам развития и управления, обеспечивающим выживание любых систем. Именно информация, управление и организация выступили инициаторами прогресса и обусловили вступление развитых стран в новую цивилизацию. На современном историческом этапе «никакая социальная жизнь невозможна без информации, без общения и коммуникаций. Информация выступает в качестве двигателя общественного и технического прогресса, а также в качестве узлового пункта познания, выявляя всеобщие и конкретные, многогранные связи с действительностью как отражение этой действительности» [3].

Разграничение и противопоставление концепций информационного и постиндустриального общества, на наш взгляд, является весьма непродуктивным. По сути дела, данные термины являются близкими по своему содержанию, ведь постиндустриальное общество в своих существенных характеристиках выступает как информационное, так как определяющим видом деятельности в нем является именно информационная деятельность. В этом смысле понятие «информационное общество», хотя и абсолютизирует научно-техническую составляющую современной эпохи, более конкретно и корректно отражает суть происходящих в культуре и социальной жизни перемен, чем «постиндустриальное». В современном обществе доминируют

процессы информатизации, которые в свою очередь влекут за собой другие социокультурные трансформации, связанные со сменой мировоззренческих установок, изменением подходов в научном познании, пересмотром ориентиров в социально-политической практике.

Итак, информационное общество — это теоретическая концепция постиндустриального общества; историческая фаза возможного развития цивилизации, в которой главными продуктами производства становятся информация и знания. Информационное общество — это общество, в котором большинство работающих занято производством, хранением, переработкой и реализацией информации, особенно высшей его формы — знаний.

Разрабатываемая концепция «информационного общества» позволяет вскрыть глубинные долгосрочные тенденции будущего развития человечества. От качественного обновления науки и техники, происходящего на современном информационном витке научно-технического прогресса, зависят перспективы социального развития. Наиболее ценным в указанной концепции является описание широких цивилизационных процессов, перемен в образе жизни, в ценностных установках, способах коммуникации людей.

Совершенно иной взгляд на характер социальной ситуации и культурных перемен, которые сейчас переживает все мировое сообщество, предлагает У. Бек в своей работе «Общество риска», написанной им в 80-х годах XX века. По мнению У. Бека, вектор социального развития направлен от индустриального общества к обществу риска, появление которого является результатом раскола внутри модерна и вызвано негативными последствиями модернизации. Если на ранних этапах индустриального общества модернизация и сопутствующий ей научно-технический прогресс были призваны избавить людей от бедности и зависимости от природы, улучшить материальные условия жизни, то в настоящее время

на первый план выступает проблема предотвращения угрозы, исходящей от «побочных явлений» модернизации, на культурные и социальные последствия которой ранее закрывали глаза. Общество подошло к новому рубежу с грузом потенциальных проблем модернизации. Благодаря развитию производительных сил, науки и наукоемких технологий стало возможным улучшение материального благополучия и уменьшения нужд цивилизации, но вместе с тем процесс модернизации породил новые риски, которые приобрели невидимый масштаб.

Обращение к концепции «общества риска» как характеристики современного этапа социального развития обусловлено, на наш взгляд, рядом объективных причин: во-первых, процесс модернизации постоянно порождает риски, вносящие неопределенность во все сферы общества; во-вторых, возникший механизм «саморазвития» науки и технологий перестает контролироваться обществом; в-третьих, наука утрачивает монополию на истину, между знанием и социальной практикой возникает посредник — корпус политически ангажированных экспертов; в-четвертых, производство рисков «встроено» в процесс принятия решений; в-пятых, существующие социальные институты оказываются некомпетентными в обнаружении и устранении рисков.

В индустриальном обществе была хорошо налажена система правил в борьбе с опасностями и рискованными ситуациями, создаваемыми современной промышленностью. Существовали надежные гарантии в виде страховых договоров, соглашений, денежных компенсаций, которые защищали граждан в рискованных ситуациях. В обществе риска новые технологии подорвали сам принцип безопасности и страхования не только в экономическом, но и в медицинском, психологическом, культурном и религиозном смыслах. «Наше общество остаточного риска стало обществом без гарантий, оно не застраховано, и парадокс в том, что защищенность убывает по мере

роста опасностей. Нет ни одного института — не реально, не, видимо, даже в замысле, — который был бы готов к «наихудшему мыслимому бедствию», как нет и формы общественного порядка, которая обеспечивала бы социальные и политические гарантии в этом худшем из возможных случаев» [4].

Таким образом, общество риска — это общество, производящее технологические и социальные риски, являющиеся «побочными эффектами» процесса модернизации современного производства. Производство рисков охватывает все сферы жизнедеятельности общества — экономическую, политическую, социальную. В свою очередь производство риска ведет к его распространению и потреблению.

Новые модернизационные риски у Бека напрямую связаны с интенсивным развитием науки, производством знания. По его мнению, создание новых технологий ведет к производству новых технологических (модернизационных) рисков. В связи с расширением производства рисков и мегарисков теория «общества риска» утверждает, что роль науки и техники в общественной жизни существенно изменяется. Появляется много критических замечаний относительно влияния научного знания на повседневную жизнь человека, растет страх перед внутренним развитием науки и технологии.

Рост общественной критики связан с тем, что граждане все чаще начинают встречаться с научными достижениями и обращаться к авторитету ученых в новых условиях риска и опасности. В отличие от доиндустриальных стихийных бедствий, голода, войн, материальной нужды прошлого источники современных рисков кроются в принятии рациональных и технико-технологических решений: «Риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» порождением (производством) в центрах рациональности и процветания,

с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» [5]. Риски современности одинаково действуют на все социальные классы (например, ядерная война, техногенная катастрофа, промышленная авария), неуловимы, легко пересекают государственные границы, имеют непредсказуемые и растянутые во времени последствия, не ограничены во времени и пространстве, не калькулируемы и, что самое важное, не определены путем непосредственного наблюдения. Вместе с тем именно такие риски вполне характерны для ситуации индустриального и в большей степени постиндустриального (информационного) общества [6].

Если современные модернизационные риски не воспринимаемы органами чувств, они могут осмысливаться только с помощью знания. Недоступность непосредственного восприятия рисков повышает роль науки и экспертного знания в их обнаружении. О существовании и распространении опасностей можно узнать только из заключений ученых. Однако, как указывает У. Бек, в обществе риска не может существовать абсолютных авторитетов в сфере экспертизы рискованных опасностей и угроз. Эксперты не в состоянии ответить на вопрос о безопасности, они оперируют лишь приблизительными величинами.

Наука не только не справляется со своей задачей определения и контроля рисков, она еще теряет контроль над собственными результатами и становится источником опасностей. Наука начинает соучаствовать в производстве рисков, и признание рискованности тех или иных научно-технических новаций осуществляется не в силу внутреннего научного процесса, приводящего к более полному постижению истины, а благодаря социальному давлению.

Внутренние правила и ограничения научной рациональности становятся источниками порождения рисков и опасностей. У. Бек среди механизмов производства рисков выделяет принцип «взвинчивания стандартов научности».

Множественность причин современных глобальных рисков и невозможность изучать их изолированно приводят к тому, что возможные причины их появления просто не рассматриваются как достаточные основания для их изменения. Взвинчивание стандартов научности сужает круг признанных и требующих устранения рисков. Таким образом, наука игнорирует существование одних рисков и закрывает глаза на другие, что приводит к их накоплению, вместо устранения.

Познавательное накопление рисков заключается также в методике определения предельных величин, основанной на принципе допустимой меры риска, а не на предотвращении риска вообще. В основе каждого определения допускаемой величины, по мнению Бека, лежат глубокие заблуждения. Например, не учитывается кумулятивный эффект действия ядовитых веществ. Так, многочисленные «частичные» отравления, допустимые предельными величинами, могут иметь накопительный характер и в итоге привести к смерти. Ошибка происходит и тогда, когда результаты опытов над животными без ограничений переносятся на человека. Еще надо отметить, что предельные величины определяются для человека вообще, а не для отдельных возрастных и профессиональных групп, хотя известно, что в зависимости от условий жизни и состояния здоровья люди по-разному переносят отравления. Таким образом, предельные величины скорее выполняют функцию политической легализации рискованных производств, чем реального контроля над рисками.

Другая характерная особенность современного научно-технического производства состоит в том, что результаты науки невозможно проверить, прежде чем применить их на практике, как это было раньше. Так, например, ядерные установки должны быть построены, чтобы можно было изучить их функционирование и связанные с ними риски. Бек указывает на неустраняемое внутреннее противоречие, определяющее статус науки

в эпоху глобализации: ученые не могут не учиться на своих ошибках, и в то же время цена их столь высока, а последствия столь непредсказуемы, что они становятся одновременно и недопустимыми и необходимыми. «В обществе риска ошибки — это утечка радиоактивного вещества из реактора, рождение изуродованных детей и смерть людей от вируса бешенства. Итак, ученые больше не могут делать ошибок, увы. Но они делают ошибки, и сильнее, чем когда-либо, это отражается на них самих» [7]. Риски становятся принципиально неисчислимыми и непредсказуемыми, а наука, которая их создает, становится принципиально опасной для общества.

Тем не менее, по справедливому замечанию Е.А. Сергодеевой, «ситуация риска содержит не только опасности, но и новые возможности», связанные с ростом рефлексивности, а значит предполагающие новое использование потенциала научного знания [8]. Критика, которую наука обращала на окружающий мир, теперь обращена на нее, она становится рефлексивной. С другой стороны, растет интерес общественности к развитию и применению научного знания в повседневной жизни. У нее формируется собственное независимое мнение и экспертиза результатов научного производства, в которых, конечно, трудно отделить собственно «науку» от суждений относительно правды и доверия. Заинтересованные общественные группы хотят получить воз-

можности участия в принятии решений, которые влияют на их жизнь. У. Бек предлагает организовать что-то наподобие «научных судов», где принятые научные решения можно было бы обсудить до того, как они будут применены на практике. Общественность, обеспокоенная рисками, становится новым политическим субъектом в современном обществе.

Кроме того, общество в борьбе с рисками модернизации создало различные социальные технологии. К ним относятся создание технологий, минимизирующих производство рисков, изобретение элементарной техники безопасности и создание международных систем коллективной безопасности, разработка технологий локализации рисков, возникновение институциональных структур, базирующихся на борьбе с авариями и катастрофами, формирование в массовом сознании представления о «социально приемлемом риске». Все эти технологии указывают на принятие обществом факта рискогенности своей жизнедеятельности и небезопасности среды своего обитания.

Таким образом, наука и технологии в современном обществе оцениваются неоднозначно: научное знание порождает новые риски и в то же время выступает экспертом в определении той или иной рискогенной ситуации. Следовательно, современное информационное общество можно рассматривать в контексте концепции общества риска.

Примечания:

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999. С. 18.
2. См.: Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society // World Future Society. 1981. P. 29.
3. Моисеева Л.А. История цивилизаций: курс лекций. Ростов н/Д, 2000. С. 387.
4. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. №5. С. 166.
5. Там же. С. 162.
6. Лежебоков А.А. Социокультурный статус местного самоуправления в структуре гражданского общества // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2013. №4 (37). С. 111.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 45.
8. Сергодеева Е.А. Традиции в посттрадиционном обществе: особенности конструирования идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2013. Вып. 1 (113). С. 132.

References:

1. Bell D. The coming post-industrial society. Experience in social forecasting. M., 1999. P. 18.
2. See: Masuda Y. The Informational Society as Post-Industrial Society // World Future Society. 1981. P. 29.
3. Moiseeva L.A. History of Civilizations: lectures. Rostov n / D, 2000. P. 387.
4. Beck W. From an industrial society to risk society // THESIS. 1994. №5. P. 166.
5. Ibid. P. 162.
6. Lezhebokov A.A. Sociocultural status of local government in the structure of civil society // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2013. №4 (37). P. 111.
7. Beck W. Risk Society. On the way to another modernity. M., 2000. P. 45.
8. Sergodeeva E.A. Traditions in posttraditional society: identity construction features // Bull. Adyghe State University. Ser. Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies. 2013. Issue. 1 (113). P. 132.